

матический трактат, но это и выступление выдающегося политического деятеля и большого писателя, который описывает события и людей как прирожденный писатель. В «Мемуарах» Ракоци есть много страниц, которые могли бы самостоятельно войти в качестве новелл в сокровищницу произведений мировой прозы.

Политической цели, во имя которой Ракоци написал «Мемуары», не суждено было осуществиться. Историческая наука объясняет это «плохой ориентировочной способностью» князя. И как ни странно это слышать о Ракоци, который с великолепно развитым чувством реальности вел государственные дела во время освободительной борьбы и руководил военными действиями, это мнение, как подтверждают факты, в какой-то мере справедливо по отношению к Ракоци-эмигранту. Через пять лет после поражения освободительной войны Ракоци уже не способен был ясно видеть положение в Венгрии, как и внешнеполитические факторы. Однако произведение, написанное им в интересах возобновления борьбы, вошло в сокровищницу венгерской литературы, хотя Ракоци в последующие годы все более оказывается в изоляции. В годы турецкой эмиграции он становится одиноким человеком, живет в такой обстановке, которая противоречит всей атмосфере его прошлой жизни.

В Турции Ференц Ракоци заканчивает работу над «Исповедью», а затем пишет целую серию философско-религиозных произведений. В этих произведениях в полную силу раскрывается его огромный писательский талант. Здесь нет ни одной строки, которая противоречила бы тем идеалам, за которые он боролся всю свою жизнь. И все же движущей силой произведений, написанных Ракоци в Турции, являются уже не стремление к завоеванию свободы, а внутренние переживания. Эти произведения были рождены изолированностью. Будучи оторванным от народа, от масс, Ракоци ищет убежища в одиночестве эмоциональных переживаний, в религиозности.

В связи с произведениями, написанными в Турции, хотелось бы указать еще на один принципиальный вопрос. Означают ли эти произведения отрицание всего того, за что Ракоци боролся в течение долгих лет? Не думаю. Повторяю то, что уже ранее упоминалось несколько раз: свою «Исповедь» Ракоци начал писать под Парижем, в гробуазском монастыре камандульского ордена. Не случайно, разочаровавшись в королевском дворе, он вступил в этот орден, требующий аскетической жизни. Камандульский орден поддерживал янсенистов, которые хотели — вопреки Карлу XIV и иезуитам, сторонникам феодальных порядков, — учредить национальную церковь, не подчиняющуюся Ватикану. Они представляли оппозицию внутри церкви, хотели провести реформы изнутри, вернуться к изначальной простоте церкви. Новейшая французская история литературы пишет о янсенизме следующее: «Янсенизм был буржуазным противником феодального иезуитско-монархического мира»¹³. Таким образом, этот поздний период жизни Ракоци начинается еще в Париже. Он становится противником феодального двора: в его религиозных произведениях проявляется стремление к свободе чувств, инстинктов, настроений. Это также и возмущение миром феодального абсолютизма. Здесь — и величие, и слабость Ракоци, так как это возмущение не стало силой, направленной на изменение общества, а нашло выражение в его внутреннем мире, в его изолированном одиночестве, в религиозно-созерцательных произведениях.

Таким образом, творчество Ракоци в годы турецкой эмиграции не является отрицанием прежних его идеалов. Конечно, нам больше импонирует Ракоци как вождь борьбы за национальное освобождение венгров, поэтому в его творчестве на первое место ставится произведение, которое стало классическим памятником этой борьбы, — «Мемуары».

¹³ Ср.: *Bénichou P. Morales du Grand Siècle.* — «Bibliothèque des idées», Paris NRF, 1948, p. 77—96, 112—130.